

Научная статья

УДК 94(47)

DOI 10.25803/26587599_2023_45_91

К 80-ЛЕТИЮ ВТОРОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАТРИАРШЕСТВА

А. К. Галкин

«Мало просите...»: церковно-исторические итоги беседы И. В. Сталина с тремя митрополитами в ночь на 5 сентября 1943 года

Галкин Александр Константинович, канд. биол. наук, старший научный сотрудник, Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия, galkin_vermes@zin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0903-9916>

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена анализу беседы И. В. Сталина с руководителями Московской патриархии, состоявшейся в ночь на 5 сентября 1943 г. В ходе этой беседы Сталин фактически дезавуировал ряд ключевых положений декрета «Об отделении церкви от государства». Во-первых, учреждение им Совета по делам Русской православной церкви означало, что государство признает церковь целостной системой. Во-вторых, указание «обеспечить право архиерея распоряжаться церковными суммами» подразумевало легализацию епархиальных структур. В-третьих, разрешение иметь при епархиях свечные заводы было равносильно наделению религиозных организаций определенными юридическими правами. Более того, Сталин выражал готовность предоставить «церковному центру» субсидии, прямо запрещенные декретом, от чего митрополиты всякий раз отказывались. В случае их согласия встреча могла бы положить начало пересмотру декрета с участием заинтересованной стороны. По итогам беседы в течение нескольких дней из десяти просьб митрополитов были реализованы две, рассчитанные на международный резонанс: выборы патриарха и выход в свет «Журнала Московской патриархии». Разрешив организацию богословских курсов, Сталин предложил также открыть академии и семинарии. На просьбу митрополитов открыть церкви в ряде епархий

© Галкин А. К., 2023

Сталин заявил, что со стороны правительства никаких препятствий не будет. Без возражений было также допущено включение священнослужителей в состав исполнительных органов, но в 1961 г. этот пункт был аннулирован как «грубейшее нарушение ленинских норм». Решение других вопросов, таких как амнистия архиереев, снятие ограничений с отбывших наказание духовных лиц, произвол в налогообложении, было отложено. В качестве поощрения от правительства патриархия получила новую резиденцию — здание нецерковного назначения, числившееся за наркоматом иностранных дел. Автор статьи приходит к выводу, что демонстративный шаг И. В. Сталина навстречу православной церкви свидетельствовал о том, что ликвидация религии в публичном пространстве СССР откладывалась на неопределенный срок. Этот шаг, при всей его позитивности, был вынужденным, противоречивым и сопровождался усилением государственного контроля над церковной жизнью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русская православная церковь, история церкви, церковь и государство, И. В. Сталин, митрополит Сергей (Страгородский), митрополит Алексий (Симанский) митрополит Николай (Ярушевич), Собор епископов 8 сентября 1943 года, духовно-учебные заведения в СССР

для цитирования: Галкин А. К. «Мало просите...»: церковно-исторические итоги беседы И. В. Сталина с тремя митрополитами в ночь на 5 сентября 1943 года // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 45. С. 91–119. DOI: 10.25803/26587599_2023_45_91.

ON THE 80TH ANNIVERSARY
OF THE SECOND RESTORATION OF THE PATRIARCHATE

A. K. Galkin

“You are not asking enough...”: On the church-historical results of I. V. Stalin’s conversation with the three metropolitans on the night of September 5, 1943

Galkin Alexandr Konstantinovich, Cand. Sci. (Biology), Senior Research Fellow, Zoological Institute of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, galkin_vermes@zin.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0903-9916>

ABSTRACT: The article is devoted to the analysis of the conversation of I. V. Stalin with the leaders of the Moscow Patriarchate, held on the night of September 5, 1943. In the course of this conversation, Stalin actually disavowed a number of key provisions of the decree “On the separation of Church and State”. Firstly, his

establishment of the Council for the Russian Orthodox Church meant that the state recognised the Church as an integral system. Secondly, the instruction to “ensure the right of the bishop to dispose of church funds” implied the legalisation of diocesan structures. Thirdly, the permission to have candle factories in dioceses was tantamount to granting religious organisations certain legal rights. Moreover, Stalin expressed his willingness to provide the “church centre” with subsidies directly forbidden by decree, which the metropolitans refused on every occasion. Should they agree, the meeting could have initiated a revision of the decree with the participation of the party concerned. As a result of the conversation, two of the metropolitans’ ten requests were implemented within a few days, designed for international resonance: the election of the patriarch and the publication of the “Journal of the Moscow Patriarchate”. Permitting the organization of theological courses, Stalin also proposed to open academies and seminaries. In response to a request by metropolitans to open churches in a number of dioceses, Stalin said that there would be no obstacles on the part of the government. The admission of clergymen in the executive bodies was also allowed without objections, but in 1961 this clause was annulled as a “gross violation of Leninist norms”. The resolution of other issues, such as the amnesty of bishops, the lifting of restrictions on clergy who had served their sentences, arbitrariness in taxation, was postponed. As an encouragement from the government, the patriarchate received a new residence — a non-ecclesiastical building, which was listed for the People’s Commissariat for Foreign Affairs. The author of the article comes to the conclusion that Stalin’s demonstrative move towards the Orthodox Church testified that the elimination of religion in the public space of the USSR was postponed for an indefinite period of time. The analysis suggests that while this move was positive, it was forced, contradictory and accompanied by the increasing state control over church life.

KEYWORDS: Russian Orthodox Church, history of the Church, church and state, I. V. Stalin, metropolitan Sergius (Stragorodsky), metropolitan Alexy (Simansky), metropolitan Nikolai (Yarushevich), Council of bishops on September 8, 1943, theological education institutions in the USSR

FOR CITATION: Galkin A. K. (2023). ““You are not asking enough...”: On the church-historical results of I. V. Stalin’s conversation with the three metropolitans on the night of September 5, 1943”. *The Quarterly Journal of St. Philaret’s Institute*, 2023, iss. 45, pp. 91–119.
DOI: 10.25803/26587599_2023_45_91.

После того как весной 1927 г., в условиях бессудного и бессрочного заключения патриаршего местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского), Московская патриархия обрела

так называемую легализацию, ее правящий первоиерарх митр. Сергей (Страгородский)¹ при всех обстоятельствах проявлял «показательную и последовательную сговорчивость» [*Второе восстановление, 166*]. В течение следующих десяти с лишним лет на нем исполнились слова из Книги Иова: «...все, что у него, в руке твоей; только на него не простирай руки твоей»^{*1}. В ходе Большого террора 1937–1938 гг. он потерял практически весь епископат, исчезнувший «на 10 лет без права переписки», управляющего делами Московской патриархии прот. Александра Лебедева, келейника, сестру, громадную часть служащего духовенства², был взорван его московский кафедральный Богоявленский собор в Дорогомилове, но сам он остался цел и невредим.

*1 Иов 1:12

Физическое уничтожение десятков тысяч «церковников и сектантов» позволило перейти к сплошной ликвидации приходов «за отсутствием служителей культа», с упразднением за ненадобностью постоянной центральной комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР и соответствующих комиссий на местах (краевых, областных и проч.).

К началу Второй мировой войны (1 сентября 1939 г.) в штате патриаршей церкви в пределах СССР остались четыре архиерея, двое из которых были правящими митрополитами (сам митр. Сергей — в Москве и митр. Алексей (Симанский) — в Ленинграде) и двое — их викарными архиепископами. В перспективе, спустя недолгое время — когда последние штатные клирики или отказались бы от регистрации, «уйдя с работы» под прессом непосильных налогов, или были бы осуждены за их неуплату, или скончались бы естественной смертью, — в стране Советов (кроме территорий, присоединенных в 1939–1940 гг.) наступило бы полное торжество атеизма.

Намеченные планы Кремля перевернуло 22 июня 1941 г.: «дружественный» Германский рейх стал агрессором, враждебные буржуазные демократии — союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. Воевать пришлось не «малой кровью» и первые три года не «на чужой территории», как представлялось большевистскому руководству. Для сплочения тружеников тыла пришлось

1. Заместитель патриаршего местоблюстителя, митрополит Нижегородский, с 16 октября 1932 г. — Горьковский; с 27 апреля 1934 г. — Блаженнейший митрополит Московский и Коломенский. С 1 января 1937 г. постановил поминать себя патриаршим местоблюстителем.

2. В районах нынешней Новгородской области в этот период казнено 83 % штатных (имевших регистрацию) иереев Московской патриархии [*Галкин 2013*].

пересмотреть многое, в том числе отношение к последним оставшимся в штате служителям алтаря. В ходе войны официальная пропаганда переименовала их из «шпионов и диверсантов» в видных деятелей всенародного патриотического движения под девизом: «Все для фронта, все для победы!» Предшествующие 20 лет та же пропаганда утверждала, что подготовка трудящихся к обороне страны «настоятельно требует борьбы с религиозными предрассудками и церковно-сектантскими организациями» [*Антирелигиозная пропаганда*].

Первым проявлением заботы партии и правительства о патриархии, как и о других легализованных церковных центрах (обновленческом, «рогожских» старообрядцев, евангельских христиан), стала эвакуация их руководителей из Москвы в середине октября 1941 г. одновременно с государственными учреждениями. Они продолжили работу в Ульяновске.

Уже в первый год войны на неоккупированной территории было открыто несколько храмов — в Горьком, Свердловске, Воронеже, Молотове (Перми) и Челябинске, в с. Выездное под Арзамасом, о чем ранее не приходилось и мечтать. Фотографии этих храмов вошли в пропагандистскую книгу «Правда о религии в России» [*Николай (Ярушевич), Георгиевский, Смирнов, 117, 194, 199, вклейки к с. 197, 204*], спешно изданную от имени Московской патриархии по постановлению ЦК ВКП (б) от 10 марта 1942 г., заведомо без упоминания об их насильственном закрытии в «мирное время». В мае 1942 г. Центральное духовное управление мусульман, в отсутствие законодательной базы³, провело чрезвычайный съезд в Уфе. В ноябре 1942 г. многие газеты публиковали переписку председателя Совнаркома СССР с главами и представителями «традиционных религий» — И. В. Сталин не только принимал их поздравительные телеграммы к 25-летию установления советской власти, но и отвечал им.

На новый 1943-й год, по просьбе патриаршего местоблюстителя, Сталин дал указание открыть в Госбанке «специальный счет», на который духовенство и верующие могли бы перечислять пожертвования на танки и самолеты. Представляется неверной

3. Выдача разрешений на проведение религиозных съездов была 1 января 1932 г. передана из наркомата внутренних дел на усмотрение комиссий по религиозным вопросам, которые весной 1938 г. упразднили.

трактовка указания вождя как первого шага к признанию за церковными организациями ограниченных юридических прав. Никакой буквы закона Сталин в тот день не нарушил. Закон от 8 апреля 1929 г., запрещающий церковным центрам «устраивать какие бы то ни было центральные кассы для сбора добровольных пожертвований верующих» [*Хронологическое собрание*, 34] для собственных нужд (пункт 22), никак не регламентировал сборы, 100 % выручки от которых шло государству.

Находясь в эвакуации митр. Сергей смог приступить к восстановлению церковно-административной структуры. С декабря 1941 г. по август 1943 г. было хиротонисано 7 епископов (возраст троих из них превышал 70 лет); 3 архиерея, освобожденные из заключения, получили назначения на кафедры [*Галкин 2008*].

Великая Отечественная война обнажила крах ленинско-сталинской антирелигиозной политики. Осознав это, Сталин в начале третьего года войны совершил крутой маневр: притормозив «головокружение от успехов» на безбожном фронте, но не отменяя практически ни одного запрета и ограничения, направленного против религии, он путем личных встреч с духовными лидерами сумел выдать себя за неусыпного гаранта свободы совести. Надзор же над религиозной жизнью он поручил двум органам, которые подчинил напрямую себе. Во главе Совета по делам Русской православной церкви был поставлен Г. Г. Карпов, во главе Совета по делам религиозных культов — И. В. Полянский (оба с 14 февраля 1943 г. — полковники госбезопасности).

Первым, в августе 1943 г., председатель Совнаркома принял мусульманского богослова из Ташкента Эшона Бабахана (1858–1957). В начале лета 1943 г. Эшон вел переговоры с властями Узбекистана о легализации религиозной жизни мусульман Советской Азии и о создании духовного центра. Заручившись их поддержкой, он направил письмо председателю Верховного Совета СССР М. И. Калинину. Но Сталин взял дело в свои руки: он сам встретился с приехавшим в Москву Бабаханом и разрешил созыв курултая для организации духовного управления [*Усманходжаев*, 41–42]. Курултай улемов 5 азиатских республик прошел в Ташкенте 15–20 октября 1943 г.; для участия в нем было избрано 160 делегатов.

Одновременно в июле — августе 1943 г. велись «интенсивные контакты» вновь созданного Наркомата государственной безопасности с представителями Московской патриархии. Подробности переговоров не рассекречены; известно лишь, что главным участником с церковной стороны был митрополит

Киевский и Галицкий Николай (Ярушевич) [Сурков, 296], на 1939 г. — штатный ленинградский викарий. Он обосновался в столице уже в феврале 1942 г., пробыв в эвакуации с патриаршим местоблюстителем всего 4 месяца. В начале августа 1943 г. в Москву приезжал митрополит Ленинградский Алексей, лавший из осажденного Ленинграда в Ульяновск, где «слет епископов» на именины митр. Сергия «превзошел делавшиеся расчеты» [Смирнов, 244]. Вместе с местоблюстителем и одним новорукоположенным епископом на именинах присутствовало 9 архиереев — ровно половина их штатного состава в пределах действия советской власти на тот период⁴. Очевидно, он привез из Ульяновска документы совещания «прилучившихся архиереев», которое прошло там под руководством именинника. Его участники рекомендовали блаженнейшего митрополита к избранию патриархом.

8 июля 1943 г. ЦК ВКП (б) дал разрешение митр. Сергию со свитой вернуться из Ульяновска в Москву [Лидгайко, 263], но прибыл он только во вторник 31 августа. В среду ему сообщили, что для него «готовится новая резиденция в центре столицы, в роскошном особняке, с полной обстановкой» [Годовщина]. На первые дни сентября местоблюститель заранее вызвал в столицу некоторых архиереев. В дневнике архиепископа Саратовского Григория (Чукова) под 3 сентября записано: «Вхожу в Патриархию и сразу натякаюсь на Блаженнейшего. „Приехали?“ — Приехал, говорю. „А не знаете — зачем?“ — Не знаю. — „Ну, и я не знаю...“» [Александрова-Чукова 2006, 102].

Встреча главы правительства СССР И. В. Сталина с тремя митрополитами готовилась в обстановке строгой секретности. В субботу 4 сентября митрополиты Сергей, Алексей и Николай, предупрежденные о том, что с ними может связаться «представитель правительства», целый день ожидали звонка. Вечером им сообщили, что «правительство имеет желание» принять их сегодня или завтра, или в любой следующий день, чтобы выслушать нужды и разрешить имеющиеся вопросы. Не дожидаясь воскресенья, когда можно было бы укрепиться в таинствах и молитвах с московской паствой, митрополиты решили поехать на прием сразу же. Как следует из журнала А. Н. Поскребыше-

4. К Собору 8 сентября 1943 г. к востоку от линии фронта в штате Московской патриархии состоял 21 епископ, включая местоблюстителя. Из них 1 был хиротонисан почти через месяц после именин

Блаженнейшего митрополита Сергия и двое назначены на кафедры накануне Собора [Галкин 2008, 67, 98–99, 101–102]. Следовательно, к концу июля 1943 г. всех штатных архиереев насчитывалось 18.

ва (заведующего канцелярией Сталина), председатель Совнаркома беседовал с митрополитами 1 час 20 минут (с 00 ч 40 мин до 2 ч ночи 5 сентября) [*Смыслов, 205*]. Ход беседы подробно изложил присутствовавший на ней Г. Г. Карпов. Его записка неоднократно публиковалась [*Одинцов 1999, 283–291*] и еще большее число раз пересказывалась [*Алексеев*]. Однако вопросы, затронутые на встрече, остаются без должного обсуждения и сопоставления с событиями предшествующих и последующих лет.

«Второе возрождение патриаршества» в XX веке

Лично для Сталина имела значение только одна из затронутых на приеме тем — немедленное явление миру Московского патриарха. С «дарования» такой возможности и началась беседа, а заметка в «Известиях» от 5 сентября создавала впечатление, что на ней речь шла лишь о созыве собора епископов «для избрания патриарха» (с указанием его будущего титула: «Московский и всея Руси»⁵) и образования синода при нем [*Прием*]. Вождь не только настоял на созыве собора «большевистскими темпами», в ближайшие дни — «договорились» на 8 сентября, этот день совпадал с празднованием Владимирской иконы Божией Матери, установленным в память спасения Москвы от нашествия Тамерлана⁶, — но и утвердил изменение патриаршего титула. Выяснилось, что вопрос о титуле архиереи «предварительно обсуждали» — очевидно, на июльском совещании в Ульяновске.

Девятью годами ранее, 27 апреля 1934 г., митр. Сергей (Старгородский), вопреки собственному утверждению, что «титул „Московского“ принадлежит только Всероссийскому Патриарху и Патриархия не знает никакого Московского Митрополита» [*Елевферий (Богоявленский), 261*], принял неканоническое «возвеличение» и перешел с горьковской митрополичьей кафедры на московскую. Акт 1934 г. об усвоении заместителю патриаршего местоблюстителя титула Блаженнейшего митрополита Московского и Коломенского справедливо расценивается как «попрание основ патриаршего строя» [*Мазырин, 676*]. Подобное квази-замещение патриаршей (Московской) кафедры полностью

5. Поместный собор 1917–1918 гг. определил титул патриарха как «Московский и всея России».

6. Митрополит Сергей за 25 лет как бы предсказал дату Собора 1943 г. в составленном им акафисте иконе Владимирской Божией Матери:

«Свет радости возсияла еси, Владычице, и во дни твоя, егда смотрением Божиим древняя красота церковная к нам паки возвратится и Священный Собор граду Москве патриарха, всей же стране нашей единого пастыря и учителя утверди» (икос 11).

соответствовало квази-легализации самой Московской патриархии в 1927 г. Хотя перемена титула «руководителя корабля церковного» — все того же митр. Сергия (Страгородского) — в 1934 г. была намного более принципиальной, чем в 1943 г., ее сценарий не предусматривал приглашения «действующего первого епископа страны» в Кремль.

Собор епископов в соответствии с обращением митр. Алексия сразу же исключил формальную процедуру выборов патриарха: «...избрание со всеми подробностями, которые обычно сопровождают его, для нас является как будто бы и не нужным» [*Деяния Собора, 17–18*]. В письме Сталину Сергей изъяснялся еще прямее: Собор «своим единодушным решением... постановил: 1) присвоить мне, как Главе Русской Православной Церкви, титул „Святейшего Патриарха Московского и всея Руси“...» [*Русская православная церковь 2009, 74*]. Титул «Главы православной Церкви в СССР» митр. Сергей (Страгородский) официально принял не позднее января 1942 г. — так он именуется в заголовках всех Определений с № 1 за 1942 г. [*Галкин 2008, 77–101*]. В известительных грамотах он также указывал, что Собор «постановил усвоить (курсив наш. — А. Г.) мне титул патриарха» или «усвоить... титул, соответственный должности» [*Телеграмма Святейшего; Известительные грамоты, 6*].

Таким образом, Святейшим патриархом Московским Сергей стал в 1943 г. ровно тем же способом «усвоения» ему нового титула, каким в 1934 г. стал Блаженнейшим митрополитом Московским. Разница в том, что в апреле 1934 г., на 3-й седмице по Пасхе, акт подписал 21 архиерей, присоединилось же к нему рапортами не менее 72-х [*Документы, 244–247*], а к отданию Успения 1943 г. у патриархии к востоку от линии фронта не набралось и двух десятков епископов. Зато их «чувства безграничной преданности» патр. Сергию после того, как патриаршего местоблестителя митр. Петра в 1936 г., на 11-м году заключения, объявили умершим (в действительности его расстреляли годом позже), были вполне законны.

Сталин сделал вид, что ему нет дела до крайне малого числа епископов, которым предстояло изобразить избрание патриарха «всея Руси» — 19 человек по списочному составу на 4 сентября 1943 г. (7 сентября назначения на кафедры получают еще 2 епископа; реально в Соборе 8 сентября 1943 г. участвовало 19 архиереев). Ко «второму восстановлению патриаршества» в границах временно оккупированных областей, которые не составляли

и десятой части территории СССР, служило заметно большее число епископов, относивших себя к Московской патриархии — 25 против 21. Архиереев, находившихся в оккупации, по сталинскому плану следовало отсечь от участия в выборах Московского патриарха заранее, до освобождения Красной армией городов, в которых они находились.

Отказ от финансовой помощи

Самым неожиданным в разговоре И. В. Сталина с руководителями Московской патриархии было то, что вождь однозначно давал понять, что «ленинский декрет» от 20 января 1918 г. не является догмой, т. е. может быть пересмотрен. Он неоднократно предлагал собеседникам прямую и косвенную финансовую помощь⁷, от которой те каждый раз вежливо отказывались. Пункт 10 декрета имел предельно жесткую формулировку: «Все церковные и религиозные общества... не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от его местных автономных и самоуправляющихся установлений» [*Декреты*, 374]. Митрополиты не могли этого не помнить.

Если бы церковь, которую государство 25 лет грабило, согласилась принять открыто отпускаемые ей хотя бы самые малые и строго оговоренные дотации, это стало бы началом новой эпохи в их взаимоотношениях. Например, митр. Николай, дознаватель ущерба, нанесенного оккупантами действующим православным храмам, мог бы заявить, что их восстановление должна обеспечить Германия за счет репараций. «В дальнейшем» субсидии церковному центру (валюта) предоставлялись только в секретном порядке на проведение операций за пределами СССР, о чем в сентябре 1943 г. не было и речи.

Создается впечатление, что главный пункт предложенной Сталиным повестки (пересмотр декрета от 20 января 1918 г. с участием заинтересованной стороны) митрополиты обсуждать не рискнули. Остальные вопросы, по большому счету, «высочайшего внимания» и не требовали. Сам Сталин, по словам митр. Сергия, сказал своим ночным гостям: «Мало просите» [*Александрова-Чукова 2013*].

7. См.: «Если нужно сейчас или если нужно будет в дальнейшем, государство может отпустить соответствующие субсидии церковному центру» [*Одинцов 1999, 286, 289*].

Разрешения на проведение многочисленных соборов и съездов 1920-х гг. обновленцы, старообрядцы, евангельские христиане, мусульмане получали без приема их лидеров в Кремле, а Грузинская и Армянская церкви провели соборы даже в 1932 г. Пока патриархия числилась «нелегальной», она имела богословские школы и утратила последние из них (Богословско-пастырское училище и Высшие Богословские курсы в Ленинграде) сразу после легализации. Возможность издавать с 1931 г. «Журнал Московской патриархии» митр. Сергию формально была предоставлена после его обращения к советскому деятелю весьма среднего звена — П. Г. Смидовичу (председатель Постоянной центральной комиссии по вопросам культа). Временный патриарший синод в 1935 г. прекратил существование («самораспустился»), что никак не отразилось на церковном управлении. Возможно, оно стало более каноничным: учреждение Синода митр. Сергием «при себе, с разрешения власти» в 1927 г. вызывало осуждение многих. Особого внимания в условиях отделения церкви от государства заслуживает интерес, проявленный главой правительства к титулатуре патриарха.

Масштаб вопросов, которые обсуждались в ночь на 5 сентября 1943 г., легче оценить, вообразив аналогичную встречу в Берлине. Если бы рейхсканцлер пригласил к себе иерархов, возглавлявших церковную жизнь на Украине, в Белоруссии и Прибалтике (соответственно, митрополитов Алексия (Громадского), Пантелеимона (Рожновского) и Сергия (Воскресенского)), то речь на ней никоим образом не свелась бы к таким частностям (давно разрешенным на месте), как возможность проводить архиерейские совещания, организовывать богословские курсы или свечные заводы, открывать приходы, причем с существенной оговоркой — там, где их «нет совсем» или мало, а то и монастыри (вопрос о которых в Кремле не затрагивался), не говоря уже о снабжении святителей Божиих продуктами по государственным ценам и предоставлении им двух-трех автомобилей с горючим.

Открытие духовных школ

После согласования даты Собора митрополиты перешли к вопросу о подготовке кадров. Услышав просьбу о разрешении открыть богословско-пастырские курсы «при некоторых епархиях», Сталин неожиданно спросил, «почему они ставят вопрос о богословских курсах, тогда как Правительство может разрешить организацию духовной академии и открытие духовных семинарий во всех

епархиях, где это нужно» [Одинцов 1999, 286]. Если при обсуждении титула патриарха Сталин лишь утвердил решение собеседников, то здесь он прямо указал им на то, что желает видеть «правительство». Очевидно, вывеска «Духовная академия — семинария» для него имела не меньшее значение, чем патриарший куколь. При этом в предшествующие 15 лет духовное образование в стране начисто выжигалось, и всего за 3–4 года до приглашения митрополитов в Кремль — при расширении границ СССР в 1939–1940 гг. — во вновь присоединенных областях и республиках в первую очередь ликвидировались духовные учебные заведения.

Митрополит Сергей, а за ним митр. Алексей объяснили, что «для открытия духовной академии у них еще очень мало сил и нужна соответствующая подготовка». Причина проста: многие члены корпораций дореволюционных академий, в том числе энциклопедически образованный свящ. Павел Флоренский, были в СССР расстреляны (из них проф. Иоанн Попов ныне канонизирован как мученик, прот. Илия Громогласов — как священномученик), некоторые преподаватели, преимущественно из Киевской академии, смогли эмигрировать.

В то же время из ответа митрополитов Сергея и Алексея следует, что у церкви якобы не было и «опыта работы с богословскими курсами». Это далеко от истины. «Организационная и программная сторона» таких курсов была разработана еще в 1918 г., и они стали открываться во многих городах Советской России — в ноябре 1918 г. они были учреждены митр. Сергием (Страгородским) во Владимире [Сорокин, Бовкало, Галкин 1990, 50–52]. Многообразием богословских курсов выделялся Петроград: руководство и наблюдение за ними в 1921–1922 гг. осуществлял митр. Алексей в бытность епископом Ямбургским. Наконец, в 1930-е гг. за Московской патриархией числились трехгодичные богословские курсы в Ковне (Каунас), «временной столице» независимой Литвы и, кстати, родине митр. Николая (Ярушевича). Очевидно, митрополиты поняли, как близка Сталину «симфония» церкви и государства времен Российской империи и поспешили «до конца убить» память о реалиях церковной жизни первых послереволюционных лет, не говоря уже о заграничных примерах.

Первоначальные планы митр. Сергея в области духовного образования, которые он вынашивал в эвакуации в Ульяновске, были еще скромнее: «Мы хлопочем пока о приготовлении кандидатов священства, курсанты должны будут где-нибудь артелью вести ежедневную церковную службу, чтобы практически

изучать Богослужение...» [Георгиевский, 93] (Датировка письма в публикации — 10 октября 1943 г. — откровенно ошибочна. — А. Г.). Для создания богословских школ уровня семинарий и выше необходимы были специальные помещения, библиотеки, учебники, кроме того, высшим школам полагалось издавать свои ученые труды. Никаких просьб о реституции и о возможности печатания необходимой для учебной деятельности литературы на встрече не прозвучало.

Патриарх Сергей лишь через полтора месяца после усвоения ему патриаршего титула, 20 октября 1943 г., вспомнил о зданиях бывших епархиальных женских училищ в Москве — Филаретовского («в Харитоньевском переулке») и Мариинского («на Ордынке»). Он поинтересовался у Карпова о возможности получить одно из них [Одинцов 1999, 293], но было уже поздно... В итоге московским духовным школам, которые осенью 1946 г., на третьем году существования, приобрели желанную для Сталина вывеску «академия» и «семинария», пришлось до конца 1948 г., т. е. четыре с половиной учебных года, ютиться в совершенно непригодных для учебных целей помещениях в Новодевичьем монастыре.

Был предложен и принципиально иной подход к подготовке кадров, изложенный 15 июля 1944 г. архиеп. Лукой (Войно-Ясенецким) в письме патриаршему местоблюстителю митр. Алексию (Симанскому). Вполне вероятно, что ранее автор делился этими мыслями с митр. Сергием, — с 1942 г. они вели оживленную переписку.

Не дожидаясь открытия средних богословских школ, — писал святитель, — надо кликнуть клич в народе и находить достойных священства из простецов, поручая образованным протоиереям и священникам вести индивидуальные занятия с ними по подготовке к священству. Ведь средние школы во всех епархиях откроются еще не скоро [Кольмагин, 73].

Так, например, готовили кадры старообрядцы-поповцы до дарования верующим Российской империи свободы вероисповедания 17 апреля 1905 г. В советские 1920-е годы занятия «на дому» вели профессора Московской и Киевской духовных академий. А еп. Кирилл (Васильев, в схиме Макарий), находясь в конце 1930-х гг. на нелегальном положении, не только обучал, но сам и рукополагал кандидатов, прошедших у него подготовку. Позднее, в оккупации он шутил говорил, что у него были свои духовная академия и духовная семинария.

В условиях «сталинского конкордата» все планы свт. Луки «оказались неосуществимыми» [*Дамаскин (Орловский)*, 601]. Похоже, что забота о скорейшем умножении кандидатов для священства не стояла у патриархии на первом месте. После смерти патр. Сергия сорвалось открытие первых богословско-пастырских курсов в провинции (Саратов), на что было испрашено отдельное разрешение за подписью Сталина. Архиепископ Саратовский Григорий (Чуков), переведенный 26 мая 1944 г. на Псковскую кафедру, успел подготовить для курсов «кадры квалифицированных преподавателей и подходящее здание» [*Александрова-Чукова 2006, 106*]. Что мешало поручить ввод их в строй ближайшему из архиереев — Куйбышевскому или Астраханскому?

Широкие жесты Сталина

Митрополит Сергей поднял вопрос об организации издания «Журнала Московской патриархии» (далее — ЖМП), который выходил бы один раз в месяц. Формулировка скрывала просьбу о реанимации одноименного журнала, который митрополит выпускал как частное лицо («издание М<итрополита> С<ергия> Страгородского») с января 1931 г. до отзыва разрешения на его печатание в начале 1935 г. Журнал был заявлен как ежемесячный, но вместо 49 номеров удалось выпустить лишь 25, из них 8 — сдвоенных. В отличие от первоначальной программы митр. Сергей в 1943 г. предусмотрел печатание в журнале статей и речей «патриотического характера» (в духе: «за Родину, за Сталина») и отказался от всякой обратной связи (в ЖМП 1930-х гг. была рубрика «Ответы на запросы читателей»). «Тов. Сталин ответил: „Журнал можно и следует выпустить“» [*Одинцов 1999, 287*].

На этом разговор об издательской деятельности закончился. Как и в других случаях вместо системного подхода — снятия запрета на выпуск всей необходимой церкви литературы, от Священного писания до текстов для домашней молитвы — митр. Сергей свел дело к единичной ситуации. Даже право на издание церковного календаря, полученное патриархией при ее «легализации» в 1927 г., но на третий год утерянное, ему пришлось отдельно испрашивать у Карпова [*Одинцов 1999, 302*].

Первый номер нового ЖМП, дозволенного к изданию Сталиным, тиражом в 3 тыс. экземпляров увидел свет тотчас же — в середине сентября 1943 г. (со второго номера тираж увеличили вдвое). Показательно, что в 1930–1931 гг. между получением

разрешения на издание журнала и выходом его первого номера прошло не менее 4–5 месяцев, а прот. Василий Виноградов, которому митр. Сергей предложил стать редактором, был арестован через 2–3 недели после этого разговора и получил лагерный срок [Сухова, 94]. Но если бы не пришлось ждать, когда ходатайства митрополита о церкви дойдут до сердца вождя, выход журнала мог бы начаться почти на год раньше. О желательности его возобновления митр. Сергей говорил еще в эвакуации, 11-ю месяцами ранее [Александрова-Чукова 2006, 101], очевидно, имея на примете необходимые кадры. За линией фронта с августа 1942 г. Псковская духовная миссия стала выпускать ежемесячный журнал «Православный христианин» тиражом не 6 тыс. экземпляров, как ЖМП, а 20–30 тыс. [Обозный, 203–204].

Далее местоблюститель заговорил об открытии церковью «в ряде епархий», указав, что этим озабочены «почти все епархиальные архиереи». Легко догадаться, что исключение составлял митрополит Ленинградский Алексей. Находясь в осажденном городе, он не имел прямой связи с областью и был чрезвычайно осторожен в этом отношении даже после общения со Сталиным. В декабре 1943 г., прекрасно зная, как усердно верующие Ленинграда почитают Ксению Блаженную (о чем сам в декабре 1962 г. свидетельствовал преемнику Г. Г. Карпову В. А. Куроедову [Письма. Т. 2, 368]), он пресек их попытку добиться открытия часовни над ее могилой резолюцией: «Сейчас несвоевременно возбуждать ходатайство об открытии часовни» [Шкаровский 2005, 572–573].

Слова митр. Сергея о том, что «уж очень много лет церкви не открываются» (несомненно, он имел в виду территорию, не бывшую под оккупацией), представляют собой заведомую неправду. С первых месяцев «священной войны», с августа 1941 г. большевистский режим, скрепя сердце, был вынужден пойти, в собственных интересах, на точечное удовлетворение настойчивых требований верующих о возвращении им конституционного права на «свободу отправления религиозных культов» (Конституция СССР 1936 г. Ст. 124). К осени 1943 г., помимо вновь открытых храмов, снимки которых были помещены в книге «Правда о религии в России» [Николай (Ярушевич), Георгиевский, Смирнов], богослужения возобновились в Кирове (Вятка), Саратове и на окраине Сталинграда (с. Бекетовка), в Тюмени, в пригороде Красноярска (пос. Николаевка), в Иркутске, а также в нескольких городах — районных центрах (Борисоглебск, Елец, Лысково, Касимов). В Московской епархии, временное управление которой с начала 1942 г. было

возложено на митр. Николая (Ярушевича), удалось назначить священников в ряд сельских храмов, закрытие которых власть не успела оформить на всех уровнях. В 1-м квартале 1943 г. Мособлисполком восстановил «православные» общины в селениях Саввино и Ивановское Балашихинского р-на» [Пидгайко, 263]. (Микрорайон Саввино с Преображенской церковью ныне относится к г. Балашиха, с. Ивановское с церковью Рождества Иоанна Предтечи в 1960 г. вошло в черту Москвы).

Какой бы каплей в море ни было число храмов, оживших с августа 1941 г. с санкции советской власти, лед тронулся. Непонятно, почему этот вопрос на встрече не был поставлен так, чтобы он отражал реальность, с упором на то, что благодарные правительству прихожане храмов, возрожденных за два военных года, усердно пополняют фонд обороны? Но примеров открытия храмов по стране было еще очень и очень мало. Сталину не было высказано ни одного пожелания по поводу открытия храмов, хотя у митр. Сергия явно имелся список мест, откуда поступало наибольшее число просьб. Не был упомянут даже малый собор Донского монастыря, хотя, казалось бы, молитва на могиле предшественника входит в церемониал избрания его преемника.

Митрополит Сергей лишь заявил, что он считает необходимым предоставить право епархиальному архиерею вступать в переговоры с гражданской властью по поводу открытия церквей. Но этого было явно недостаточно. В условиях, когда глава правительства проявил готовность пойти на уступки верующим после 15 лет повсеместных усилий всеми правдами и неправдами свести число действующих храмов к нулю, высшей церковной власти следовало добиться права взять на себя общий контроль за открытием храмов и обеспечить в необходимых случаях помощь архиереям. Для этого имелся вполне законный повод: до революции приходы открывались определениями Священного синода.

Многообещающий ответ Сталина о том, что «никаких препятствий со стороны Правительства» к дополнительному открытию приходов по решению местных советов и епархиальных управлений не имеется, на деле оказался отговоркой. Вождь незамедлительно лишил «местные советы» (исполкомы всех уровней) права регистрации религиозных обществ и групп верующих (своих формальных избирателей!), а также передачи им храмов (постановление СНК СССР от 28 ноября 1943 г.). Отныне органы власти на местах, в случае положительного заключения, обязаны были направлять материалы в Совет по делам РПЦ [Шкаровский 1995, 23].

Когда дело касалось закрытия храмов «по требованию трудящихся» или «большинства населения», изобретательность советов ничем не ограничивали. Обратный же процесс был поставлен партийно-государственным центром под жесткий контроль: обращения верующих стали пропускать через многоступенчатый фильтр. В итоге до правительства доходило порядка 10–15 % заявлений с мест, по которым, как правило, выносились положительные решения (только в этом смысле Сталин сдержал слово). Верующим вернули более чем мизерную часть из того, что у них украли большевики.

Так, в границах Ленинграда того времени к лету 1937 г. действовало 33 церкви (23 патриарших, 9 обновленческих и 1 иосифлянская). К лету 1941 г. их осталось 8, из них 5 патриарших; к концу блокады обе обновленческие и иосифлянская общины воссоединились с Московской патриархией. «Великие открытия» 1946–1947 гг. прибавили 2 приходские церкви и 1 домовую при духовных школах, в итоге число церквей в городе составило 11 — ровно треть от действовавших в нем накануне Большого террора. На общем фоне это был хороший результат. В 10 западных районах Вологодской области, где к 1937 г. действовало 118 церквей⁸, а к 1941 г. — ни одной, в 1942–1948 гг. удалось возродить лишь 9 приходов, 2 из которых почти сразу же вновь сняли с регистрации.

У архиеп. Луки и по этому вопросу было особое мнение. Важнее всего, подчеркивал он, — восстановление богослужения и народу надо помочь в этом деле «экстренными мерами». Архиепископ предлагал:

1) Всемерно добиваться перед Правительством немедленного открытия тех многочисленных сельских церквей, которые сохранились неповрежденными, в которых есть и утварь церковная, и облачения, и книги... 2) Строить новые деревянные церкви-обыденки... [*Колымагин*, 73].

Способность Сталина идти на серьезные уступки «церковникам» будущий лауреат Сталинской премии явно переоценил. Хотя был и прецедент: такие меры верующий народ осуществлял по ту сторону фронта.

8. Подсчет мой. — А. Г. См.: [*Галкин 2014*, 261–263].

Восстановление в правах служителей культа

Митрополит Алексей поднял вопрос об освобождении некоторых архиереев. «Предоставьте такой список, его рассмотрим», — последовал ответ Сталина [Одинцов 1999, 287]. Непонятно, почему тему освобождения архиереев затронул не глава церкви, а рядовой архиерей? Митрополиту Алексею уместнее было бы говорить об амнистии священнослужителей своей митрополии (у него имелся их полный алфавитный перечень, собственноручно составленный весной 1937 г. [Алексий (Симанский)]), но от этого он уклонился. Подготовленный документ подал, естественно, патриарх: он просил амнистировать, чтобы привлечь к церковной работе под своим ведением, 24 архиерея (что сразу бы удвоило их число!), одного архимандрита (Афанасия (Егорова) — многолетнего келейника митр. Сергия) и одного протоиерея [Шкаровский 1995, 116].

Опыт «печалования» оказался крайне неудачным. 25 человек из списка митр. Сергия, как мы теперь знаем, были расстреляны вскоре после ареста. Выжившему архиеп. Николаю (Могилевско-му) заступничество патриарха не помогло — он был освобожден только через год после его кончины, в мае 1945 г.

Многие из духовных лиц после отбытия срока заключения ограничивались в прописке и попадали под «запрет на профессию». В ответ на ходатайство митр. Сергия о предоставлении им права свободного проживания и передвижения внутри Союза и права исполнять церковные службы Сталин предложил Карпову изучить вопрос. Но в снятии ограничений нуждались не одни служители культа Московской патриархии, а десятки тысяч репрессированных в 1920-е — 1930-е годы советских граждан (включая членов церковных советов, певчих и прочих «церковников»), и изучать вопрос следовало отнюдь не на уровне Карпова. Что касается узкой группы, упомянутой митр. Сергием, то через 5–6 лет вопрос «переизучили», и имевшие судимость «служители культа» были выдворены из крупных городов. В Москве этой участи подверглись, в частности, прот. Михаил Голунов, член двух Поместных соборов — 1917–1918 гг. и 1945 г., и протоиерей кафедрального храма митр. Николая (Ярушевича) Сергей Туриков. После смерти Сталина маятник качнулся в обратную сторону — в 1953 г. высланные вернулись к прежним местам служения.

Митрополит Алексей затронул вопрос, относящийся к церковной кассе, — о предоставлении епархиям возможности отчислять суммы в пользу центрального церковного аппарата. Единствен-

ный раз за всю беседу прозвучал конкретный пример: инспектор адмнадзора Ленсовета Татаринцева такие отчисления делать не разрешила. (Александра Ивановна Татаринцева (1902–?), под строгим контролем которой митрополит находился с 1938–1939 г. до конца 1943 г., имела большой опыт по использованию «советского права» в деле борьбы с религией). Сталин заявил, что «против этого возражений нет».

Все три митрополита высказали Сталину мнение о необходимости дать (точнее, вернуть) священнослужителям право «быть членами исполнительного органа церкви». Конституция 1936 г. отменила их поражение в правах, но при этом никуда не делось постановление ЦИК и СНК СССР от 11 февраля 1930 г. «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений». Это постановление запрещало «лишенцам» участвовать в руководстве общиной, провоцируя разобщенность причта («лишенцев») и двадцатки. На создаваемую запретом ненормальность «организации приходских коллективов» указывал в письме митр. Сергию от 10 декабря 1941 г. заштатный прот. Николай Чуков (будущий митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий) [*Архив С.-Петербургской епархии*]. Сталин и здесь пошел гостям навстречу, заявив об отсутствии возражений к «видоизменению» действовавшей нормы.

Оба невозражения Сталина представляют собой приостановку действия двух важных запретов, которыми изобиловало советское законодательство о культурах. По существу же, вопросы, затронутые на случайной встрече в Кремле, должны были решаться не на ней, а в ходе работы по «детальной разработке отделения церкви от государства»⁹, с учетом нормализации церковно-государственных отношений и в рамках Конституции 1936 г.

Затем митр. Николай заговорил о создании епархиальных свечных заводов вместо закупки свечей у кустарей. Основу денежных поступлений любого храма составляла продажа свечей, и об их производстве митр. Николай знал не понаслышке, ведь под его управлением в 1942–1943 гг. в Москве и Московской области находилось около 150 приходов — огромная по масштабам того времени цифра. Митрополит Алексей, напротив, никакой заботы о церковных свечах не знал. В осажденном Ленинграде

9. Подобную мысль высказывал еще епископ Ялтугуровский Серафим (Коровин) в ходе подготовки к Поместному собору, намеченному было на

1928 г., но так и не состоявшемуся (URL: <https://drevo-info.ru/articles/28309.html> (дата обращения: 10.06.2022)).

обновленцы наладили их выпуск в таком масштабе, что снабжали патриаршие общины [Шкаровский 2005, 68].

В ответ на речь митр. Николая из уст Сталина прозвучала впечатляющая фраза о том, что

Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку Правительства во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием внутри СССР, и что как он говорил об организации духовных учебных заведений... так не может быть препятствий и к открытию при епархиальных управлениях свечных заводов и других производств [Одинцов 1999, 288].

На сей раз разрешение неизмеримо превышало просимое. Митрополит Николай считал, что на местах достаточно иметь свечные заводи, тогда как Сталин, который «в каждом деле открывал то, что было невидимо и недоступно для обыкновенного ума» [*Речь патриарха*, 3], провидел необходимость «других производств» для обеспечения церковного благолепия (церковной утвари, церковных облачений, икон, иконостасов и т. д.). Только в одном он ошибся: «епархиальных управлений» в сентябре 1943 г. не существовало. Так, митр. Алексей получил разрешение иметь технический аппарат через три с лишним месяца после встречи со Сталиным — 14 декабря 1943 г. [Шкаровский 2005, 133]. А предоставления земли для строительства свечного завода и производственных мастерских Московской патриархии пришлось ждать до 1975 г.

Нового патриарха следовало явить миру в «золотой клетке». Для своих нужд патриархия с подачи митр. Алексея скромно просила игуменский (Лопухинский) корпус Новодевичьего монастыря. Выбор митрополита был не случаен: игуменьей монастыря когда-то была его тетка Леонида (Озерова; † 18 января 1920 г.), и это здание воскрешало в нем воспоминания молодости. Очевидно, просьба о предоставлении Лопухинского корпуса прозвучала летом того же года на секретных переговорах представителей патриархии с органами госбезопасности — вождь заранее послал его осмотреть. Единственный раз за встречу Сталин аргументированно выразил несогласие: постройка конца XVII в. очень запущена, там сыро и холодно. Для гостей он заготовил сюрприз, сообщив, что заботливое правительство предоставляет патриархии бывшую резиденцию германского посла — особняк Офросимовой, расположенный по адресу: Чистый пер., 5 (вблизи снежного храма Христа Спасителя), со всем имуществом, мебелью. Как опытный постановщик, Сталин предусмотрел сцену изучения

митрополитами плана «даруемого» здания — очевидно, она отняла немало минут. Поскребышев, давая объяснения, обратил их внимание даже на монограмму во фронте здания (инициалы одной из последних владелиц особняка Марии Протопововой — «МП») и намекнул, что это не просто так: Московская патриархия наполняет монограмму новым смыслом [Одинцов 2013, 336]. Не обошлось без обмана. Сталин назвал особняк трехэтажным — в действительности здание одноэтажное, с подвалом и небольшим мезонином в 3 окна [Памятники архитектуры, 80].

Ни о Троицком подворье на Самотеке — резиденции патриарха Тихона и Синода в 1917–1922 гг., — прекрасно известном не только митр. Сергию, но и митр. Алексею (однажды там «молодой епископ благословлял вместо Патриарха» по его указанию [Остапов, 14]), ни о московском Валаамском подворье, где тогда же проживал митр. Сергей, в силу выученной беспомощности заговорить никто не осмелился.

Несмотря на широкий жест вождя, условия передачи особняка Офросимовой оформлены не были — это выяснилось через четыре с половиной года. 24 марта 1948 г. местное (Кропоткинское) жилищное управление потребовало от патриархии заключить договор об аренде дома для начисления арендной платы или предоставить документы, освобождающие от нее [Письма. Т. 1, 352].

Скромный домик в Бауманском пер., который патриархия занимала с 1929–1930 г., оставили в ее распоряжении. Но если в 1930-е гг. он служил для общецерковных нужд, то с начала 1944 г. его «приватизировал» митр. Николай в качестве личного жилья.

Под занавес, когда митрополиты налюбовались планом барской усадьбы, Сталин несколько раз, как Христос Петра^{*1}, спросил их: «Нет ли других нужд у церкви?» Все трое заявили, что у них особых просьб больше нет, но на местах иногда случается переобложение духовенства подоходным налогом. На деле такое случилось не «иногда», а повсеместно: с рубежа 1920-х — 1930-х гг. налоговый пресс стал главным орудием государства для бескровной ликвидации приходов. Митрополит Сергей еще в 1930 г. включил в письмо П. Е. Смидовичу о нуждах Православной церкви в СССР «пожелание духовенства» о том, чтобы при налогообложении его (как это было до 1929 г.) приравнивали «к лицам свободных профессий, а не к нетрудовому элементу, тем более не к кулакам» [Русская православная церковь 1996, 269].

Решать проблему Сталин отказался: митрополиты услышали лишь предложение обжаловать каждый конкретный случай.

*1 Ин 21:15–17

Это делалось и прежде, но далеко не всегда давало желаемый результат. Так, в Ленинграде попытки пересмотреть начисление завышенных, непосильных налогов не раз кончались тем, что «налоговый сектор... не только не снизил, а увеличил» их [Шкаровский 2005, 117–118]. Вскоре, в 1948 г., жертвой «переобложения» налогами стал один из собеседников Сталина, митр. Николай. Его выручил высокий знакомый в Кремле — председатель Верховного Совета СССР Н. М. Шверник [Сурков, 375]. У прочих духовных лиц таких заступников не имелось.

Здесь явно требовалось иное решение, а именно, определение социального статуса духовенства СССР в условиях обещанной вождем всесторонней поддержки церкви «во всех вопросах, связанных с ее организационным укреплением и развитием» и в рамках сталинской Конституции, «гарантирующей» гражданам СССР равные права и обязанности. В этом плане имелся пример в блокированном Ленинграде, где служители культа при выдаче карточек были приравнены с 1 мая 1943 г. к советским служащим [Галкин 2002, 244].

Осталась незатронутой такая проблема первоочередной важности, как наделение священника при необходимости правом обслуживать 2–3 соседних прихода (что практиковалось на оккупированной территории). Многие приходы в освобожденных областях в 1944–1945 гг. закрывались по формальному предлогу — отсутствию штатного священника в течение года.

Выводы

Таким образом, встреча в Кремле трех митрополитов со Сталиным не дала главного — толчка к закреплению принципа свободы совести на законодательном уровне. Вместо законов каждая из областей или республик в СССР получила институт уполномоченных Совета по делам РПЦ, которые на местах занимались толкованием по своему усмотрению старых и новых инструкций, как правило, секретных. Многие из устных поблажек, полученных церковью в ту ночь, через короткое время были заморожены или отменены. Московской патриархии были предоставлены только внешние атрибуты, предназначенные для демонстрации всему миру: патриаршее возглавление; роскошная по советским меркам резиденция для первосвященника, где он мог принимать иностранных гостей; издание официального церковного органа, немалая часть тиража которого предназначалась для распространения за гра-

ницей (как это было с первой книгой, изданной под грифом Московской патриархии, — «Правда о религии в России»). Напротив, все необходимое для налаживания приходской жизни, если и возвращалось церкви, то с длительными проволочками, гомеопатическими дозами и, как правило, в руинированном виде (включая здания Московской духовной академии и бывшей Петроградской духовной семинарии). Организационное укрепление и развитие церкви внутри СССР, обещанное Сталиным, оказалось сильно отсроченным. Положение церкви стало относительно стабильным и было подкреплено выделением ей недвижимости не ранее чем через 30 лет после приема трех митрополитов. Лишь со второй половины 1970-х гг. у РПЦ появились остро необходимые площади для осуществления издательской деятельности (дом на Погодинской улице в Москве) и для производства разнообразной церковной утвари и предметов культа (предприятие «Софрино»). Небольшой особняк в Чистом переулке все 45 лет оставался духовно-административным центром Московской патриархии, имевшей многомиллионную паству. Только при подготовке к 1000-летию Крещения Руси патриарху Пимену (Извекову) удалось добиться передачи патриархии того, что осталось от московского Данилова монастыря: многолетние, совершавшиеся за церковный счет работы по выведению его из «мерзости запустения» завершились в юбилейный 1988 год. Демонстративный шаг И. В. Сталина навстречу православной церкви свидетельствовал о том, что ликвидация религии в публичном пространстве СССР откладывалась на неопределенный срок. При всей позитивности этого шага, он был вынужденным, противоречивым и сопровождался взятием церковной жизни под дополнительный контроль.

Источники

1. *Алексий (Симанский)* = Алексей (Симанский), митр. Алфавитный список клира Ленинградской Области. На 1 мая 1937 г. Санкт-Петербург : Князь-Владимирский собор, 2014. С. 15–152.
2. *Антирелигиозная пропаганда* = Антирелигиозная пропаганда должна быть усилена // Известия ЦИК СССР. 1927. № 184 (13 августа). С. 5.
3. *Архив С.-Петербургской епархии* = Архив Санкт-Петербургской епархии. Ф. 3. Оп. 3 б. Д. 83. Л. 4 (ксерокопия).
4. *Годовщина* = Годовщина знаменательных для русской церкви событий (4, 8, 12 сентября 1943 г.) // Журнал Московской патриархии. 1944. № 9. С. 9–10.

5. *Декреты* = Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. Москва : Гос. изд-во политич. лит.-ры, 1957. 626 с.
6. *Деяния Собора* = Деяния Собора преосвященных архиереев Русской православной церкви 8 сентября 1943 года // Журнал Московской патриархии. 1943. № 1. С. 17–18.
7. *Документы* = Документы Московской патриархии: 1934 год // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4. С. 169–252.
8. *Известительные грамоты* = Известительные грамоты патриарха Сергия восточным патриархам // Журнал Московской патриархии. 1943. № 2. С. 6–7.
9. *Памятники архитектуры* = Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. Москва : Искусство, 1989. 352 с.
10. *Письма. Т. 1* = Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР 1945–1970 гг. Т. 1 : 1945–1953 гг. Москва : РОССПЭН, 2009. 847 с.
11. *Письма. Т. 2* = Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР 1945–1970 гг. Т. 2 : 1954–1970 гг. Москва : РОССПЭН, 2010. 671 с.
12. *Прием* = Прием тов. И. В. Сталиным Митрополита Сергия, Митрополита Алексия и Митрополита Николая // Известия. 1943. № 210 (5 сентября). С. 1.
13. *Речь патриарха* = Речь патриарха Московского и всея Руси Алексия перед панихидой по И. В. Сталине, сказанная в Патриаршем соборе в день его похорон // Журнал Московской патриархии. 1953. № 4. С. 3–4.
14. *Русская православная церковь 2009* = Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : Сборник документов. Москва : Изд-во Крутиц. подв., ОЛЦИ, 2009. 765 с.
15. *Телеграммы Святейшего* = Телеграммы Святейшего Патриарха Сергия с извещением о своем вступлении на патриаршую кафедру // Журнал Московской патриархии. 1943. № 1. С. 19.
16. *Хронологическое собрание* = Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 2. 1929–1939 гг. Москва : Госюриздат, 1959. 251 с.

Литература / References

1. *Александрова-Чукова 2006* = Александрова-Чукова Л. К. Митрополит Григорий (Чуков): служение и труды : К 50-летию преставления // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2006. Вып. 34. С. 17–131.

- Aleksandrova-Chukova L. K. (2006). "Metropolitan Grigory (Chukov): ministry and labors: on the occasion of the 50th anniversary of his death". *Sankt-Peterburgskie eparkhial'nye vedomosti*, 2006, iss. 34, pp. 17–131 (in Russian).
2. *Александрова-Чукова 2013* = Александрова-Чукова Л. К. Митрополит Григорий (Чуков): Вехи служения Церкви Божией. Часть 8. Aleksandrova-Chukova L. K. (2013). *Mitropolit Grigorii (Chukov): vekhi sluzheniia Tserkvi Bozhiei* [Metropolitan Grigory (Chukov): milestones in the service of the Church of God]. Part 8, available at: <https://bogoslov.ru/article/3482639> (10.06.2022) (in Russian).
 3. *Алексеев* = Алексеев В. Неожиданный диалог. О встрече Сталина с руководством православной церкви // *Агитатор. Журнал ЦК КПСС*. 1989. № 6. С. 41–44.
Alekseev V. (1989). "An unexpected dialogue. On Stalin's meeting with the leadership of the Orthodox Church". *Agitator. Zhurnal TsK KPSS*, 1989, n. 6, pp. 41–44 (in Russian).
 4. *Второе восстановление* = Второе восстановление патриаршества в Русской православной церкви в 1943 г. : Материалы круглого стола кафедры церковно-исторических дисциплин Свято-Филаретовского института // *Вестник Свято-Филаретовского института*. 2020. Вып. 33. С. 162–186.
"The Second Restoration of the Patriarchate in the Russian Orthodox Church (1943) : Materials from a Roundtable Discussion of the Church History Department of St. Philaret's Institute". *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, 2020, iss. 33, p. 162–186 (in Russian).
DOI: <https://doi.org/10.25803/SFI.2020.33.54188>
 5. *Галкин 2002* = Галкин А. К. Город в осаде. Малоизвестные страницы церковной жизни блокадного Ленинграда // *Санкт-Петербургские епархиальные ведомости*. 2002. Вып. 30–31. С. 242–244.
Galkin A. K. (2002). "The city is under siege. Little-known pages of the church life of besieged Leningrad". *Sankt-Peterburgskie eparkhial'nye vedomosti*, 2002, iss. 30–31, pp. 242–244 (in Russian).
 6. *Галкин 2008* = Галкин А. К. Указы и Определения Московской Патриархии об архиереях с начала Великой Отечественной войны до Собора 1943 года // *Вестник церковной истории*. 2008. № 2. С. 57–118.
Galkin A. K. (2008). "Decrees and Determinations of the Moscow Patriarchate on Bishops from the Beginning of the Great Patriotic War to the Council of 1943". *Vestnik tserkovnoi istorii*, 2008, n. 2, pp. 57–118 (in Russian).
 7. *Галкин 2013* = Галкин А. К. Приходы и духовенство Московской патриархии в пределах современной Новгородской области накануне 950-летия Крещения Руси // *Новгородика-2012. У истоков Российской*

- государственности. Материалы IV международной научной конференции 24–26 сентября 2012. Ч. 1. Великий Новгород, 2013. С. 97–108.
- Galkin A. K. (2013). “Parishes and clergy of the Moscow Patriarchate within the modern Novgorod region on the eve of the 950th anniversary of the Baptism of Rus”. *Novgorodika-2012. U istokov Rossiiskoi gosudarstvennosti. Materialy IV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 24–26 sentiabria 2012. Part 1. Velikii Novgorod*, pp. 97–108 (in Russian).
8. Галкин 2014 = Галкин А. К. Приложение. Списки патриарших приходов по районам Ленинградской, Новгородской, Боровичской, Псковской, Череповецкой и Олонецкой епархий на начало 1937 года, с указанием наличного духовенства // Митрополит Ленинградский Алексий (Симанский). Алфавитный список клира Ленинградской Области на 1 мая 1937 г. Санкт-Петербург : Князь-Владимирский собор, 2014. С. 165–277.
- Galkin A. K. (2014). “Application. Lists of patriarchal parishes by regions of the Leningrad, Novgorod, Borovichi, Pskov, Cherepovets and Olonets dioceses at the beginning of 1937, indicating the available clergy”. *Mitropolit Leningradskii Aleksii (Simanskii). Alfavitnyi spisok klira Leningradskoi Oblasti na 1 maia 1937 g.* St. Petersburg : Kniaz'-Vladimirskii sobor, pp. 165–277 (in Russian).
9. Георгиевский = Георгиевский А. И. Образ Святейшего патриарха Сергия по его письмам // Патриарх Сергей и его духовное наследство. Москва : Изд-е Московской патриархии, 1947. С. 92–98.
- Georgievskii A. I. (1947). “The image of His Holiness Patriarch Sergius according to his letters”. *Patriarkh Sergii i ego dukhovnoe nasledstvo* [Patriarch Sergius and his spiritual legacy]. Moscow : Moskovskoi patriarkhii Press, pp. 92–98 (in Russian).
10. Дамаскин (Орловский) = Дамаскин (Орловский), игум. Лука (Войно-Ясенецкий) // Православная энциклопедия. Т. XLII. Москва : Православная энциклопедия, 2016. С. 598–604.
- Damaskin (Orlovskii), hegumen (2016). “Luka (Voino-Iasenetskii)”, in *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopedia], v. 41. Moscow : Pravoslavnaia entsiklopediia, pp. 598–604 (in Russian).
11. Елевферий (Богоявленский) = Елевферий (Богоявленский), митр. Неделя в Патриархии (Впечатления и наблюдения от поездки в Москву) // Из истории христианской Церкви на родине и за рубежом в XX ст. Москва : Крутицкое патриаршее подворье, 1995. С. 173–295 (1-е изд-е: Париж, 1933).
- Elevferii (Bogoiavlenskii) (1995). “Nedelia v Patriarkhii (Vpechatleniia i nabliudeniia ot poezdki v Moskvu)”. *Iz istorii khristianskoi Tserkvi na rodine i za rubezhom v XX st.* Moscow : Krutitskoe patriarshee podvor'e Press, pp. 173–295 (1-e izd. : Paris, 1933).

12. *Колымагин* = Колымагин Б. Ф. Святой хирург : Сталинской премии архиепископ. Москва : Изд-во АСТ, 2018. 414 с.
Kolymagin B. F. (2018). *Sviatoi khirurg: Stalinskoj premii arkhiepiskop* [Holy Surgeon: Stalin Prize Archbishop]. Moscow : AST Press (in Russian).
13. *Мазырин* = Мазырин А. В., свящ. Подвиг первосвятительского служения Патриаршего Местоблюстителя священномученика Петра, митрополита Крутицкого // Кифа — Патриарший Местоблюститель священномученик Петр, митрополит Крутицкий (1862–1937). Москва : Изд-во ПСТГУ, 2012. С. 343–714.
Mazyrin A. V., priest (2012). “The feat of the primatial service of the Patriarchal Locum Tenens Hieromartyr Peter, Metropolitan of Krutitsy”, in *Kifa — Patriarshii Mestobliustitel' sviashchennomuchenik Petr, mitropolit Krutitskii (1862–1937)* [Kifa — Patriarchal Locum Tenens Hieromartyr Peter, Metropolitan of Krutitsy (1862–1937)]. Moscow : PSTGU Press, pp. 343–714 (in Russian).
14. *Николай (Ярушевич), Георгиевский, Смирнов* = Правда о религии в России / Ред. митр. Николай (Ярушевич), Г. П. Георгиевский, прот. Александр Смирнов. Москва : Московская патриархия, 1942. 456 с.
Nikolai (Yarushevich), metr., Georgievsky G. P., Smirnov Alexandr, archpriest (eds.). (1942). *Pravda o religii v Rossii* [The truth about religion in Russia]. Moscow : Moskovskaia patriarkhiia (in Russian).
15. *Обозный* = Обозный К. П. История Псковской православной миссии 1941–1944 гг. Москва : ОЛЦИ, 2008. 608 с.
Oboznyi K. P. (2008). *Istoriia Pskovskoi pravoslavnoi missii 1941–1944 gg.* [History of the Pskov Orthodox Mission 1941–1944]. Moscow : OLTsI (in Russian).
16. *Одинцов 1999* = Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. Судьбы Отечества и Церкви на страницах архивных документов. Москва : Изд-во РАГС. 1999. 334 с.
Odintsov M. I. (1999). *Russkie patriarkhi 20 veka. Sud'by Otechestva i Tserkvi na stranitsakh arkhivnykh dokumentov* [Russian patriarchs of the 20 century. The fate of the Fatherland and the Church on the pages of archival documents]. Moscow : RAGS (in Russian).
17. *Одинцов 2013* = Одинцов М. И. Патриарх Сергей. Москва : Молодая гвардия, 2013. 395 с. (Жизнь замечательных людей : Серия биографий).
Odintsov M. I. (2013). *Patriarkh Sergii* [Patriarch Sergius]. Moscow : Molodaia gvardiia (Zhizn' zamechatel'nykh liudei : Seriiia biografii) (in Russian).
18. *Остапов* = Остапов А. Д., проф.-прот. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий. Биографический обзор допатриаршего периода жизни и служения // Журнал Московской патриархии. 1970. № 2. С. 7–16.

- Ostapov A. D., prof.-archpriest (1970). "His Holiness Patriarch Alexy of Moscow and All Rus'. Biographical overview of the pre-patriarchal period of life and ministry". *Zhurnal Moskovskoi patriarkhii*, 1970, n. 2, pp. 7–16 (in Russian).
19. *Лидгайко* = Пидгайко В. Г. Московская епархия в 1941–1945 гг. // Православная энциклопедия. Т. XLVII. Москва : Православная энциклопедия, 2017. С. 262–266.
 Pidgaiko V. G. (2017). "Moscow diocese in 1941–1945", in *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox Encyclopedia], v. 47, Moscow : Pravoslavnaia entsiklopediia Press, pp. 262–266 (in Russian).
20. *Русская православная церковь 1996* = Русская православная церковь и коммунистическое государство, 1917–1941. Москва : Библейск. богословск. ин-т св. ап. Андрея, 1996. 328 с.
Russian Orthodox Church and the Communist State, 1917–1941. Moscow : Biblical. theological Institute of St. app. Andrey, 1996 (in Russian).
21. *Смирнов* = Смирнов А. П., прот. Москва в Ульяновске // Патриарх Сергий и его духовное наследие. Москва : Изд-е Московской патриархии, 1947. С. 237–245.
 Smirnov A. P., archpriest (1947). "Moscow in Ulyanovsk", in *Patriarkh Sergii i ego dukhovnoe nasledstvo* [Patriarch Sergius and his spiritual heritage]. Moscow : Moscow Patriarchate Publ., pp. 237–245 (in Russian).
22. *Смыслов* = Смыслов О. С. Богоборцы из НКВД. Москва : Вече, 2012. 412 с.
 Smyslov O. S. (2012). *Bogobortsy iz NKVD* [Bogobortsy from the NKVD]. Moscow : Veche (in Russian).
23. *Сорокин, Бовкало, Галкин* = Сорокин В. И., прот., Бовкало А. А., Галкин А. К. Духовное образование в Русской православной церкви при святейшем патриархе Московском и всея России Тихоне (1917—1925) // Вестник Ленинградской духовной академии. 1990. № 3. С. 41–63.
 Sorokin V. I., archpriest, Bovkalo A. A., Galkin A. K. (1990). "Spiritual education in the Russian Orthodox Church under His Holiness Patriarch Tikhon of Moscow and All Russia (1917–1925)". *Vestnik Leningradskoi dukhovnoi akademii*, 1990, n. 3, pp. 41–63 (in Russian).
24. *Сурков* = Сурков С. А. Митрополит Николай (Ярушевич). Москва : ОЛЦИ, 2012. 648 с.
 Surkov S. A. (2012). *Mitropolit Nikolai (Iarushevich)* [Metropolitan Nicholas (Yarushevich)]. Moscow : OLTsI (in Russian).
25. *Сухова* = Сухова Н. Ю. «Не будучи от левитской лозы и от духовной школы, я всегда привык преклоняться перед нашим священническим сословием...» : Переписка профессора Свято-Сергиевского православно-богословского института в Париже архимандрита Киприана (Керна) и протопресвитера Русской православной церкви за границей Василия

- Виноградова (1956–1959) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып. 3 (46). С. 71–122.
- Sukhova N. Ju. (2012). “Belonging not to the Roots of levit and not to an ecclesiastical school, I have always admired our ecclesiastical estate...”: The correspondence between archimandrite Cyprian (Kern), the professor of St. Sergius orthodox theological Institute in Paris, and Basil Vinogradov, the protopresbyter of the Russian Orthodox Church abroad (1956–1959)”. *St. Tikhon’s University Review. History. Russian Church History*, 2012, iss. 3 (46), pp. 71–122 (in Russian).
26. *Усманходжаев* = Усманходжаев А. Жизнь муфтиев Бабахановых: служение возрождению ислама в Советском Союзе. Москва; Нижний Новгород : Мереди́на, 2008. 226 с.
Usmankhodzhaev A. (2008). *Zhizn’ muftiev Babakhanovykh: sluzhenie vozrozhdeniiu islama v Sovetskom Soiuze* [Life of Muftis Babakhanovs: Service to the Revival of Islam in the Soviet Union]. Moscow; Nizhnii Novgorod : Meredina (in Russian).
27. *Шкаровский 1995* = Шкаровский М. В. Русская православная церковь и Советское государство в 1943–1964 годах. От «перемирия» к новой войне. Санкт-Петербург : Dean+Adia, 1995. 216 с.
Shkarovskii M. V. (1995). *Russkaia pravoslavnaia tserkov’ i Sovetskoe gosudarstvo v 1943–1964 godakh. Ot “peremiriia” k novoi voine* [The Russian Orthodox Church and the Soviet state from 1943–1964. From “truce” to a new war]. St. Petersburg : Dean+Adia (in Russian).
28. *Шкаровский 2005* = Шкаровский М. В. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. Санкт-Петербург : Сатис, 2005. 622 с.
Shkarovskii M. V. (2005). *Tserkov’ zovet k zashchite Rodiny. Religioznaia zhizn’ Leningrada i Severo-Zapada v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The Church summons to the defense of the homeland: Religious life of Leningrad and the Northwest in the years of the Great Patriotic War]. St. Petersburg : Satis (in Russian).

Статья поступила в редакцию 17.06.2022; одобрена после рецензирования 03.10.2022;
принята к публикации 15.11.2022